

ную Грецию, и Восток. Если Восток притягивал к себе с неотразимой силой религиозно-настроенные умы Запада, потому что на Востоке находилась колыбель христианского верования, то туда же все могущественнее увлекались западные народы возраставшими их торговыми потребностями; западные народы стремились завладеть теми путями и сокровищницами на средиземноморском побережье, куда притекали произведения Индии и Китая. Восток, как и в эпоху древнеримской империи, по-прежнему оставался обширным товарным складом драгоценнейших произведений природы и искусной промышленности, но рынком по этой торговле для европейцев, главным образом, служила Византийская империя как западная оконечность всего Востока.

Идея восстановления римской всемирной монархии появлялась в Византии как нечто скоропреходящее и исходила единственно от императора; наоборот, эта же идея нашла себе постоянное и религиозное воплощение в папстве, которое под влиянием реформ Гильдебранда превратилось в силу, руководившую всей Европой. Вышедший из догматического истолкования всех божественных и земных отношений принцип светской власти папы настолько усилился, что ни византийский цезаризм, ни греческая церковь не могли уже явиться достаточным ему противовесом. Уже Григорий VII с помощью крестового похода преследовал ту цель, чтобы добиться объединения Восточной церкви с Римом, а раз папство, возросшее до значения всеобъемлющей силы, вступало в союз с воинственными страстями Запада и стремлением западных приморских городов к колонизации Востока, то, конечно, в волнах нового течения греческая империя, все более и более дряхлевшая, должна была погибнуть.

Падение империи временно задерживала лишь необычайная мощь Комненов. Алексей I сумел счастливо отразить норманнов, печенегов, куманов и сельджуков, предотвратил опасность Первого крестового похода и обратил его себе даже на пользу, а Боэмунда, государя Антиохии, подчинил своей державной верховной власти. Мудрость этого императора, умершего в августе 1118 г.,